

УДК 1 (091)

«ДВОЙНЫЕ РЕЧИ» (DISSOI LOGOI)¹

К. С. Ковальчук

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
k.kovalchuk@g.nsu.ru

Аннотация. В статье публикуется перевод с древнегреческого языка первых трех глав софистического текста, получившего название «Двойные речи» (Dissoi logoi). Дошедшее до нас в качестве приложения к рукописям сочинений Секста Эмпирика, это собрание кратких трактатов призвано продемонстрировать характерный для софистов способ аргументации (в духе Протагора). В них рассматриваются различные подходы к таким понятиям, как зло и добро, безобразное и прекрасное, несправедливое и справедливое, и исследуются возможности аргументации за и против той или иной позиции.

Ключевые слова: софистика, аргументация, риторика, убеждение.

Для цитирования: Ковальчук, К. С. (2020). «Двойные речи» (Dissoi logoi). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 70-78. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.70-78

PAIRS OF ARGUMENTS (DISSOI LOGOI)

X. S. Kovalchuk

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
k.kovalchuk@g.nsu.ru

Abstract. The paper is a Russian translation of the first three chapters of a sophistic text, conventionally called the Pairs of Arguments (Dissoi logoi). Transmitted as an appendix to the works of Sextus Empiricus, this collection of short treatises seeks to show the sophistic (Protagorean) way of argumentation. They address such opposite notions as bad and good, ugly and beautiful, unjust and just, and explore the possibilities of arguing pro and contra a given position.

Keywords: sophistic, argumentation, rhetoric, persuasion.

For citation: Kovalchuk, X. S. (2020). Pairs of Arguments (Dissoi logoi). *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 70-78. DOI:10.47850/RL.2020.1.2.70-78

Предварительные замечания

«Двойные речи» – это одно из немногих полностью дошедших до нас софистических сочинений. Девять кратких глав, написанных на дорическом диалекте древнегреческого языка, посвящены общим проблемам софистики, связанным с этикой, политикой и эпистемологией. Изначально считалось, что «Двойные речи» были созданы в конце пятого

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

века до н. э. из-за упоминания в тексте в качестве недавнего события поражения Афин в Пелопонесской войне. Однако, отрывки из текста, которые прямо указывают на несколько платоновских диалогов (в частности «Теэтет», «Менон», «Протагор», «Гиппий Большой»), говорят о принадлежности сочинения началу или середине четвертого века [Robinson, 1979, pp. 34-41].

Условное название «Dissoi logoi», данное этому тексту первыми издателями античной традиции, не просто повторяет первые два слова первого предложения: «Двойные речи произносятся в Элладе теми, кто философствует о добре (τὸ ἀγαθόν) и зле (τὸ κακόν)», но и открывает читателю инструмент, который использует автор в своих рассуждениях – антилогику или противоречие. То есть вместо того, чтобы опровергнуть одну из двух позиций и примирить противоречивые этические утверждения, автор демонстрирует свою позицию с помощью «антилогического» метода, приводя аргументы от лица каждой из двух противоречащих сторон.

Некоторые исследователи полагают, что «Двойные речи» – это заметки, состоящие из лекций на разные темы, и не должны толковаться как единое произведение [Dillon, Gergel, 2003, p. 319]. С другой стороны, нельзя не заметить, что автор связывает последние и первые главы посредством рассуждения о сложных понятиях этики и политики. «Двойные речи» заслуживают тщательного изучения не только потому, что это одно из немногих полностью сохранившихся софистических сочинений. Немаловажно также, что они являются ранним образцом использования антилогического метода (или метода противоречия) в отстаивании позиции этического и эпистемологического релятивизма, начало которого обычно возводят к Протагору.

Диоген Лаэртий (*Жизни философов* 9.51) так отзывается об основных идеях Протагора: «Он первый сказал, что по поводу всякого дела имеются две речи, противоположные друг другу. Именно так он ставил вопросы и получал ответы, будучи первым в этом деле» (пер. Е. В. Афонасина). В полной мере осознавая состязательный характер греческой культуры, Протагор был убежден, что аргумент может быть усилен, если его противопоставить противоположной точке зрения. Это то, что Аристотель (*Риторика* 1402a23) назвал «слабый довод делать более сильным»: обучая подопечных, Протагор ставил их в изначально более слабую позицию с тем, чтобы они попытались укрепить слабую аргументацию настолько, насколько это возможно, вплоть до момента, когда она сравняется или даже превзойдет изначально более сильную. Подобный метод убеждения, замечает далее Аристотель, весьма возмущал афинян.

Как и Протагор, неизвестный автор нашего трактата отстаивает и релятивистскую, и абсолютистскую позиции, время от времени, впрочем, демонстрируя свои предпочтения: «Я и сам присоединяюсь к этим [последним]», то есть, следуя тексту, к релятивистам. Автор сводит противопоставление этических понятий к их лингвистической корректности: противопоставления таких понятий, как верность, добро, благородство, справедливость с их противоположностями, уместны для говорящего ровно в тот момент, когда он о них говорит.

Абсолютисты, согласно тексту, утверждают, что такие понятия, как хорошее и плохое, великое и низменное, справедливое и несправедливое, истинное и ложное, представляют собой взаимоисключающие противоположности, в то время как релятивисты полагают, что

одно и то же может быть одновременно хорошим для одного и плохим для другого, истинным для одного и ложным для другого, или даже – для одного и того же. Он начинает каждую из глав с защиты релятивистской позиции, опираясь на примеры, которые подчеркивают контекстуальность каждого противопоставления, ссылаясь на точку зрения человека и его культурную идентичность. Так, в то время, когда питание, питье и интимные отношения доставляют удовольствие здоровым, они же причиняют страдания тем, кто страдает от недуга. Развивая далее мысль о том, что страдания одного человека – это счастье другого, автор цинично утверждает: «А смерть есть зло для умирающих, но добро для гробовщика и расхитителя могил».

Затем автор пытается обосновать и противоположную позицию, показывая, что предыдущий аргумент не позволяет нам просто заменить хорошее на плохое, как будто это одно и то же. Если бы это было так, то мы могли бы иметь право поступать плохо, а не хорошо с близкими нам людьми, и не видеть разницы между благом нищего и благом царя. И, хотя из этого аргумента следует заключение, что хорошее и плохое отличаются друг от друга, автор признает, что не может сказать нам, что такое добро, оставляя нас с релятивистской позицией: добро представляется человеку таковым, лишь будучи воспринято в определенное время и в определенном месте.

Далее эта же идея демонстрируется на примере общественных установлений, что напоминает знаменитое рассуждение о законах Антифонта. Так, если греки считают инцест чем-то отвратительным, то персы – вполне законным и т. д. Величие и низость определяются путем совершения правильных поступков в нужное время, и значимость культурной практики не осуждается даже в том случае, если она оценивается различными культурами в противоречивых формах.

Три «двойные речи», перевод которых предлагается читателю, призваны проиллюстрировать эту позицию. Перевод выполнен на основании недавнего издания А. Лакса и Г. Моста [Laks, Most, 2016] с учетом основательного издания Т. Робинсона [Robinson, 1979]. Оставшаяся часть трактата будет представлена в одной из наших будущих публикаций.

«Двойные речи» 1–3

1. О Добре и Зле

[1] Двойные речи произносятся в Элладе теми, кто философствует о добре (τὸ ἀγαθόν) и зле (τὸ κακόν). Одни говорят, что добро – это одно, а зло – другое; другие же – что это одно и то же, а также что добро для одних будет злом для других, и что для одного человека то же самое бывает то добром, то злом. [2] Я и сам присоединяюсь к этим [последним]. Взглянем на человеческую жизнь с ее заботами о питье, пище и любовных утехах (ἀφροδισίῳν). Одно и то же для хворого зло, а для здорового и нуждающегося [в нем] – добро. [3] И невоздержанность [в этих вещах], стало быть, зло для самих невоздержанных, но добро для тех, кто это продает и на этом зарабатывает. Так, недуг есть зло для больных, но благо для докторов. А смерть есть зло для умирающих, но добро для гробовщика и расхитителя могил.

[4] Возделывание земли (γεωργία), приносящей обильные плоды, – добро для земледельцев, а для купцов – зло. А когда грузовые суда изнашиваются и терпят бедствие – это плохо для судовладельца, зато хорошо для кораблестроителей. [5] И то, что тронуту ржавчиной, затуплено и стёрто, для [всех] остальных – зло, а для кузнеца же – добро. И когда глиняная посуда бьется, для [всех] остальных – зло, для гончаров же – добро. Когда обувь стирается и рвется, для [всех] остальных – зло, а для сапожника – добро. [6] То же для гимнастических, музыкальных и военных соревнований. Вот, например, в атлетике, в беге на стадионе победа есть добро для тех, кто победил, но зло – для проигравших. [7] То же для борцов, и для боксеров, и для всех музыкантов: например, пение под кифару добро для победителя, но зло для проигравшего.

[8] И в войне (мне, в первую очередь, следует сказать о последних событиях)², победа спартанцев, которую они одержали над афинянами и их союзниками, была добром для спартанцев, но злом для афинян и их союзников. И победа эллинов над персами была добром для эллинов, но злом – для варваров. [9] А захват Илиона был добром для ахейцев, но злом – для троянцев. И то же самое касается случившегося с жителями Фив и Аргоса³. [10] И битва кентавров с лапифами была добром для лапифов и злом для кентавров. То же самое и относительно битвы, которая, как сообщается, произошла между богами и гигантами – победа в ней была добром для богов, но злом для гигантов⁴.

[11] Приводится еще один аргумент, что добро – это одно, а зло – другое, и отличаются они как на словах, так и на деле. Как по мне, так я понимаю это отличие следующим образом: на мой взгляд, невозможно было бы отличить (διάδαλον), какие вещи – добро, а какие – зло, если бы они были одним и тем же и ничем не отличались друг от друга; но это было бы удивительным. [12] Думается, что утверждающий это не сможет даже ответить, если кто-нибудь спросит его: «Скажи мне, твои родители сделали тебе какое-либо добро?»⁵. Ты, положим, ответишь: «Да, причем многое и великое!». «Тогда ты должен им и зла многого и великого, если действительно добро и зло – это одно и то же». [13] «Что ж, ты когда-нибудь делал своим родным какое-либо добро? Тогда ты делал для своих родных некое зло. Приносил ли ты зло своим врагам? Значит, ты делал им многое и великое добро». [14] «Тогда ответь мне вот что: жалеешь ли ты нищих, так как они претерпевают много великого <зла>, <и>, наоборот, считаешь ли ты их счастливыми, потому что они испытывают много и добра, если только зло и добро одно и то же?». [15] Ничто не мешает Великому Царю [персов] быть в том же положении, что и нищие. Ведь для него многое и великое добро есть многое и великое зло, если только добро и зло – одно и то же. То же самое может быть сказано и обо всем остальном. [16] Я рассмотрю каждый случай, начиная с принятия пищи, питья и занятий любовью. Для тех, кто немощен, эти вещи представляются <злом, и, наоборот>

² Именно это замечание позволило датировать «Двойные речи» временем незадолго после окончания Пелопонесской войны (431–404 г. до н. э.).

³ Должно быть, имеется в виду мифологический поход Семерых против Фив.

⁴ О битве лапифов (фессалийцев) с кентаврами см.: Гомер, *Илиада* 1.262–268, 2.748–744; война богов с гигантами описывается, например, у Пиндара (*Немейские песни* 1.66 сл.), у Аполлодора (*Мифологическая библиотека* 1.6) и др.

⁵ Т. Робинсон предлагает исправление: «Скажи, сделал ли ты какое-либо добро для своих родителей?».

совершать их будет [для них] добром, если, конечно, зло и добро одно и то же. И для больных быть больными – зло и одновременно добро, так как добро и зло – одно и то же. [17] И то же самое касается всех остальных случаев, которые я упоминал прежде. Я не говорю о том, что такое добро, а пытаюсь научить тому, что зло и добро не одно и то же, но между ними есть различие.

2. О прекрасном и безобразном⁶

[1] Двойные речи произносятся также относительно прекрасного и безобразного. Так, некоторые утверждают, что прекрасное одно, а безобразное – другое, и что они различаются как по имени, так и на деле (τὸ σῶμα); другие же считают, что прекрасное и безобразное – это одно и то же. [2] Я же пытаюсь рассуждать следующим образом. Вот, например, уместно юноше в расцвете молодости доставить удовольствие прекрасному возлюбленному, но непристойно – тому, кто достойным возлюбленным не является. [3] И женщинам уместно купаться дома, в палестре же – постыдно (мужчинам же уместно и в палестре, и в гимназии). [4] Иметь физическую связь с мужем в тишине, когда скрывают стены, конечно, прекрасно, но вне их, где кто-нибудь увидит – позор. [5] И иметь физическую связь со своим мужем прекрасно, а с чужим – оскорбительно. И для мужа иметь близость со своей женой прекрасно, а с чужой – постыдно. [6] Мужчине украшать себя, натирать себя белилами и обвешивать золотом стыдно, женщине же – уместно. [7] Благодетельствовать друзьям – удовольствие, врагам – позор. Убегать от врага – постыдно, а на стадионе от соперников – прекрасно. [8] Убивать друзей и граждан – гнусность, неприятелей же – благородное деяние. И так во всем.

[9] Перейду к тому, что у государств и народов считается безобразным. У лакедемонян / спартанцев, например, считалось прекрасным, что девушки упражнялись в атлетике и приходили без хитонов, скрывающих части тела; для ионийцев же это неприемлемо. [10] Если детям спартанцев не стыдно не учить музыку и письмо, то для ионийцев же не знать всего этого – безобразно. [11] Прекрасно, если фессалиец, угнав лошадей из табуна и мулов, укрощает их, а забирая быков – закалывает, снимает кожу и рубит; для сицилийцев это – безобразный удел рабов. [12] У македонян прекрасно, если девушки прежде, чем выйти замуж, были страстно влюблены и имели половую связь с мужчинами, а после замужества – это безобразно; у эллинов же и то, и другое безобразно. [13] У фракийцев татуировка для девушек служит украшением, для остальных же татуировка – знак наказания за преступление. Скифы считали прекрасным обычаем вешать на

⁶ Следует заметить, что τὸ κάλον перевести можно с помощью ряда других слов (красота, краса, украшение, наслаждение, удовольствие, радость, удобное место, удобный момент, прекрасный поступок, благородное деяние, прекрасное, красота, нравственно прекрасное, приличное, высокий / почетный пост), а τὸ αἰσχρόν – как стыд, позор, безобразное, постыдное, гнусное, непристойное, оскорбительное, неподходящее или неудобное и т. д., так что при переводе выбор подходящего значения существенно зависит от контекста. Напротив, А. Лакс и Г. Мост выбрали для перевода одно и то же слово, но с частицей «не» в одном случае и без оной в другом (использовав слова *seemly* и *unseemly*, признавая, впрочем, что *beautiful* и *ugly* были бы более подходящим вариантом для английского языка [Laks, Most, 2016, p. 173].

лошадь снятый с головы убитого ими человека скальп, а позолотив и посереббив череп, пить из него и совершать возлияния богам; у греков же никто не пожелал бы даже войти в один дом с тем, кто такое сотворил.

[14] Массагеты, разрезав родителей, поедают их, ибо нет ничего прекраснее для родителя, чем быть погребенным внутри своего дитя; в Греции же тот, кто совершил подобное, был бы изгнан и умер бы страшной смертью за совершенную ужасную гнусность. [15] Персы считают, что мужчине уместно быть столь же украшенным, сколь женщине, иметь близость с дочерью, матерью и сестрой; греки же считают и то, и другое безобразным и противозаконным. [16] Лидийцы считают приличным, чтобы девушки зарабатывали деньги, занимаясь проституцией, и таким образом выходили замуж, но среди греков ни один не пожелал бы жениться на такой девушке. [17] И египтяне не считают прекрасными те же вещи, что и другие люди: у нас женщинам пристало ткать и заниматься ручным трудом, там же – мужчинам, и женщины там занимаются тем, чем мужчины у нас; у них удобно глину месить руками, а хлеб ногами, а у нас наоборот. [18] Думаю, что если бы кто-нибудь приказал всем людям собрать вместе всё прекрасное, что каждый считает [таковым] и взять из этой кучи то, что каждый считает безобразным, то ничего бы не осталось, потому что все люди думают по-разному. [19] Прочитирую также стихи⁷:

*Ибо вы увидите, если различите, другой закон
Для смертных, как этот: в самом деле нет ничего прекрасного
Как и ничего безобразного, но подходящий момент (каирós),
взяв одни и те же вещи,
Делает их то безобразными, то, меняя, прекрасными.*

[20] В общем и целом: все вещи прекрасны именно тогда, когда это уместно, и безобразны, когда это не уместно.

Чего же я, таким образом, добился? Я сказал, что покажу, что одно и то же и безобразно, и прекрасно, это я и показал во всех тех случаях.

[21] Также говорится о безобразном и прекрасном, что каждое из них отлично [от другого]. Ибо если бы кто-то спросил у тех людей, которые говорят, что прекрасное и безобразное есть одно и то же, что они когда-либо делали что-то прекрасное, то они бы признали [что это] безобразно, если и безобразное, и прекрасное есть одно и то же. [22] И если они знают какого-нибудь мужчину, который приличен, то этот же мужчина неприличен; а если они знают какого-нибудь белого мужчину, то [этот же] мужчина также и черный. И если прекрасно поклонение богам, то одновременно безобразно, если прекрасное и безобразное есть одно и то же.

[23] И пусть все будет так, как я сказал, обо всех случаях. Я перейду к той речи, что они говорят. [24] Ибо если прекрасно, что женщина украшает себя, то и безобразно, что женщина украшает себя, коль скоро безобразное и прекрасное – это одно и то же. И то же самое относится ко всем остальным случаям. [25] В Спарте прекрасным считается, что девушки

⁷ Автор стихов неизвестен.

занимаются атлетикой, [значит, одновременно] в Спарте считают безобразным, что девушки занимаются атлетикой, и так же для всех остальных случаев. [26] Говорят, что если бы кто-то собрал от людей повсюду безобразные вещи, затем позвал бы их и повелел забрать то, что каждый человек считал прекрасным, то забрали бы все, как относящееся к тому, что прекрасно. Что касается меня, то я поражен тем, что вещи, которые были безобразны, когда их собирали вместе, становятся прекрасными, и не остаются такими, какими они были, когда появились. [27] Ведь если бы они принесли лошадей, коров, овец или людей, то не забрали бы что-нибудь иное; если бы они принесли золото, то не забрали бы бронзу, а если бы они принесли серебро, то не забрали бы свинец. [28] Так как же они забирают прекрасные вещи вместо безобразных? А если кто-то принесет что-то безобразное, унесет ли он это снова, только как прекрасное? Они приводят поэтов в качестве свидетелей, [но эти] сочиняют ради удовольствия, а не ради истины.

3. О справедливости и несправедливости

[1] Также приводится пара аргументов о справедливости и несправедливости. И некоторые [заявляют], что справедливость – это одно, несправедливость – другое; другие же утверждают, что справедливость и несправедливость – это одно и то же. А что касается меня, я постараюсь их [последних] поддержать. [2] И сначала я буду утверждать, что лгать и жестоко обманывать с благой целью справедливо. Ибо они [первые] утверждали бы, что поступать так с врагами на войне несправедливо и жестоко, но не с самыми дорогими, например, с родителями: ибо если отец или мать должны были выпить и съесть какое-то лекарство, но отказались, разве это не справедливо – класть его в кашу или напиток и отрицать, что оно в нем есть? [3] Следовательно, лгать и обманывать своих родителей, и красть то, что принадлежит собственным друзьям, да и применять насилие по отношению к самым близким – это справедливо. [4] Например, если кто-то из членов семьи, находясь в скорби и несчастье, собирается убить себя мечом, веревкой или чем-то еще, то справедливо украсть, если это возможно, а если кто-то придет слишком поздно и поймает его за этим делом, то и с помощью насилия вырвать это у него. [5] И разве не справедливо поработить своих врагов на войне, чтобы они не продали в рабство целый город, захватив его в плен? Ибо если чей-то отец свергнут политическими врагами и находится в тюрьме под угрозой смертной казни, то не будет ли справедливым вломиться туда с целью похитить его и спасти? [6] И клятвопреступление: если кто-то, попавший в плен к врагам на войне, клянется, что, если он будет освобожден, то, несомненно, предаст свой город, то будет ли он действовать справедливо, если останется верен своей клятве? [7] Я же думаю, что нет, но вместо этого должен спасти свой город, своих друзей и храмы своих предков, хотя бы и ценой клятвопреступления. Значит, это справедливо уже и в отношении клятвопреступления. А грабить храмы? [8] Я оставлю в стороне принадлежащие отдельным городам; но что касается общих для всей Эллады, тех, что в Дельфах и Олимпии: когда варвар уже почти захватил Элладу и спасение зависело от денег, разве не стоило просто взять их и употребить

на войну? [9] И убить родственника также справедливо. Ибо и Орест, и Алкмеон⁸ [сделали это]: и бог провозгласил, что то, что они оба сделали, было справедливым.

[10] Обращусь теперь к искусству и к поэтическому творчеству. Ведь в трагедии и живописи тот, кто более всего обманывает, делая вещи похожими на истинные – наилучший. [11] Хочу также представить и свидетельства из более древних поэм. Из Клеобулины⁹:

*Человек, которого я видела ворующим и обманывающим, чиня насилие,
И делать это с помощью силы было очень справедливо.*

[12] Таковы древние строки. А вот из Эсхила¹⁰:

*Справедливый обман не остается незамеченным божеством:
Он по достоинству оценивает вовремя сказанную ложь.*

[13] По этому поводу говорится и противоположная речь: справедливость и несправедливость различны, и различаются они как по имени, так и на деле (πρᾶγμα). Ибо если бы кто-то спросил тех, кто говорит, что несправедливость и справедливость – это одно и то же, действовали ли они когда-либо справедливо по отношению к своим родителям, то они бы ответили «да». Но тогда и несправедливо: ибо они признают, что несправедливость и справедливость – это одно и то же. [14] Вот вам и другой случай: если некто знает кого-то в качестве справедливого человека, то, следовательно, этот же самый те люди, которые утверждают, будто они доказали, что одним и тем же является и справедливое, и несправедливое. [16] То есть [утверждают], что красть то, что принадлежит врагам на войне – это справедливо, но тут же доказывают и то, что то же самое несправедливо, если это [их] суждение верно, и так же во всех остальных случаях. [17] Говорят они и об искусстве, где, в общем-то, нет места справедливому и несправедливому. Да и поэты сочиняют свои творения не ради истины, но для того, чтобы доставить удовольствие людям. человек также и несправедлив; ну и, значит, большой и маленький, к тому же, в одно и то же время. Так пусть его убьют за то, что он совершил много несправедливых деяний, и пусть его убьют за то, что он совершил <много справедливых деяний>. [15] И хватит уже об этих делах. Я перейду к тому, что говорят.

⁸ Орест – сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать и ее любовника Эгисфа, чтобы отомстить за отца. Алкмеон же, согласно обещанию, данному своему отцу Амфиараю, отомстил за его смерть убийством матери, Эрифилы. Обоих к мести подтолкнул бог Аполлон.

⁹ Фрагмент приводится по [Laks, Most, 2016, p. 184] со ссылкой на (fr. 2 West).

¹⁰ Фрагмент приводится по [Laks, Most, 2016, p. 184] со ссылкой на (fr. 301, 302 Radt).

Список литературы / References

Dillon, J., Gergel, T. (ed.) (2003). *The Greek Sophists*. London: Penguin.

Laks, A., Most, G. (trans. and ed.) (2016). *Early Greek Philosophy*. Vol. IX: Sophists. Cambridge: Harvard University Press.

Robinson, T.M. (trans. and ed.) (1979). *Contrasting Arguments: An Edition of the Dissoi Logoi*. New York: Arno Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Ковальчук Ксения Сергеевна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию: 18.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Kovalchuk Xenia – Postgraduate of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

The paper was submitted: 18.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020